

ФІЛОСОФСЬКІ НАУКИ

УДК 111.83:165.023.1

АБСТРАКТНЫЙ РАЦИОНАЛИЗМ ИСТИНЫ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРАВДА В ДИАЛОГИЗМЕ М. М. БАХТИНА

ABSTRACT RATIONALISM OF TRUE AND EXISTENTIAL TRUTH IN DIALOGISM M. M. BAKHTIN

АБСТРАКТНИЙ РАЦИОНАЛІЗМ ІСТИНИ І ЕКЗИСТЕНЦІАЛЬНА ПРАВДА В ДІАЛОГІЗМІ М. М. БАХТІНА

Аврахова Л. В.,

кандидат философских наук, доцент кафедры языковой подготовки, Днепровский гуманитарный университет (Днепр, Украина), e-mail: uzun.laura85@gmail.com

Avrahova L. V.,

PhD, Associate Professor of the Department of Language Training, Dniprovskii University of the Humanities, (Dnipro, Ukraine), e-mail: uzun.laura85@gmail.com

Аврахова Л. В.,

кандидат філософських наук, доцент кафедри мовної підготовки, Дніпровський гуманітарний університет (Дніпро, Україна), e-mail: uzun.laura85@gmail.com

Представлен анализ феноменолого-экзистенциального понимания истины и правды в диалогической философии М. М. Бахтина. Рассматриваемая тема отображает извечную и всегда актуальную проблему соотношения теоретического познания и практической реализации жизненных целей человека. В статье указывается на принципиальное несогласие Бахтина с пониманием истины в традиционной философии, которая имеет абстрактно-теоретический характер, оторванный от реального бытия индивида. Критикуя «грубый теоретизм» традиционной философии, Бахтин обосновывает свое понимание истины – как правды жизни в экзистенциально насыщенном диалогическом бытии, в котором дуализм теоретического познания и практического действия феноменологически преодолевается «живой жизнью» конкретных индивидов. Особое внимание уделяется этическому содержанию и практической значимости экзистенциальной истины в ценностных установках личности.

Ключевые слова: истина, правда, субъективное, объективное, диалогическое бытие, экзистенциальная истина, ценностные ориентации, ответственный поступок.

An analysis of the phenomenological – existential understanding of truth and truth in the M. M. Bakhtin dialogical philosophy is presented. The topic in question reflects the eternal and always relevant problem of the relationship between theoretical knowledge and the practical realization of the life goals of a person. The article points to the fundamental disagreement of Bakhtin with the understanding of truth in traditional philosophy, which has an abstract-theoretical nature, divorced from the real being of the individual. Criticizing the «crude theoreticism» of traditional philosophy, Bakhtin justifies his understanding of truth – as the truth of life in an existentially saturated dialogical being, in which the dualism of theoretical knowledge and practical action is phenomenologically overcome by the “living life”

of specific individuals. Special attention is paid to the ethical content and practical significance of existential truth in the value settings of the individual.

Keywords: true, truth, subjective, objective, dialogical being, existential true, value orientation, responsible act.

Представлений анализ феноменолого-екзистенциального розуміння істини та правди в діалогічній філософії М. М. Бахтіна. Тема, що розглядається, відображає одвічну і завжди актуальну проблему співвідношення теоретичного пізнання та практичної реалізації життєвих цілей людини. В статті вказується на принципову незгідність Бахтіна з розумінням істини в традиційній філософії, яка має абстрактно-теоретичний характер, відірваний від реального буття індивіда. Критикуючи «грубий теоретизм» традиційної філософії, Бахтін обґрунтовує своє розуміння істини – як правди життя в екзистенциально насиченому діалогічному бутті, в якому дуалізм теоретичного пізнання і практичного діяння феноменологічно долається «живим життям» конкретних індивідів. Особлива увага приділяється етичному змісту та практичній значущості екзистенциальної істини в ціннісних установках особистості.

Ключові слова: істина, правда, суб'єктивне, об'єктивне, діалогічне буття, екзистенціальна істина, ціннісні орієнтації, відповідальний вчинок.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Постановка проблемы. Смысловая коллизия понятий истины и правды усиливается во 2-й половине XIX в. на волне мировоззренческих трансформаций в осмыслении истинности бытия. В философии начинают доминировать нетрадиционные подходы, закладывающие основы неклассической и постнеклассической методологии ценностных ориентаций. В противостоянии «грубому» рационализму традиционной философии многие философы, начиная с XIX века, склонялись к феноменолого-герменевтическим и экзистенциалистским подходам (Шеллинг, Кьеркегор, Ницше, Шопенгауэр, Дильтей, а в XX веке Шпенглер, Ортега-и-Гассет, Хайдеггер, Гадамер), считая, что деятельность интеллекта ограничена мифом «мертвой материи», и только реальная жизнь может дать ответы на вопрос о смысле и истинности бытия. «Наука – менее всего факт, из которого надо исходить» (Гадамер). И человек должен освободиться от «идолов общественного бытия» (Хайдеггер) – абстрактных целей, идеалов, научных истин. «Фундаментальная онтология», по заключению экзистенциалистов, может опираться лишь на человеческое «бытие-в мире» как субъективное бытие в форме переживания. О смирении перед «истинной правдой» писали Ф. М. Достоевский, Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, И. В. Киреевский, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков. В настоящее время проблема соотношения истины и правды рассматривается в работах Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной, С. А. Лишаева, М. Ляхтеняки, М. В. Поповича, А. А. Удода, М. В. Черникова и др.

Правдолюбие и поиски правды *актуальны* всегда и во всех сферах человеческих взаимоотношений, начинаясь межличностными семейно–брачными кончая социально–экономическими, межнациональными и геополитическими отношениями мирового сообщества. В международных коммуникациях и идеологическом противостоянии выявление истинной правды должно быть единственно правым путем преодоления политических авантур и утверждения справедливости в диалогическом решении сложных проблем современности.

Цель статьи – показать конструктивность методологических подходов (на примере феноменологии Бахтина) в понимании смыслового противостояния истины и правды как ценностных ориентиров в интересующем бытии человека.

В контексте рассматриваемой темы можно выделить два решающих фактора, исторически определивших характер традиционного философствования. Во–первых, традиционная философия с момента ее возникновения и вплоть до XIX в. конструировалась на основе естественнонаучных знаний, доминировавших в системе философских рассуждений о природе и человеке, вытесняя антропологическую проблематику с ее экзистенциальным содержанием. Во–вторых, все существовавшие прежде канонические общности, представляющие социальную структуру прежних эпох (кланы, секты, привилегированные слои, классы), были принудительными общностями, в которых каждый индивид подчинялся предустановленным требованиям следовать тому, что предписывалось исключительно природной и социальной целесообразностью, *внешними* формами бытия. Соответственно, субъект, его деятельность, жизнь и поступки оценивались всецело предметным, объективно–объектным миром, под которым подразумевалась природа и «естественно» заданные для «нормальной» жизни индивидов государственные институты.

Таким образом, в традиционных философских системах *объективное противопоставлялось субъективному* как то, что находится вне и независимо от субъективного. Строгий рационализм «отвлеченно–познавательных наук» (Бахтин) закрепил это противопоставление в абстрактных теоретических конструкциях, чуждых экзистенциальному духу и реальному смыслу бытия человека. Такой подход в понимании соотношения объективного и субъективного, характерный для «абстрактного рационализма» (объективирующего «теоретизма»), Бахтин считает главным недостатком прежней и современной ему философии.

«Коперниканский переворот» И. Канта в том и состоит, что он вопреки всей прежней философии, признавая объективность внешнего мира, объявил его необъятно сложным и загадочным миром, обозначив «вещью в себе». Частичная (в силу антиномичности разума) разгадка его возможна лишь в сфере трансцендентально–априорной *субъективной* деятельности человека. Тем самым человек, а не внешний для него мир, становится

источником знаний и ценностного осмысления бытия. И М. Бахтин как последователь кантовской философии интуитивно уловил и наследовал этот, по сути феноменологический, подход в онтологическом обосновании бытия человека.

Растущий интерес к феноменологическому обоснованию бытия был обусловлен соответствующими конкретно–историческими обстоятельствами. Историю общества можно представить как историю возрастания индивидуальной независимости человека от социальных канонов жизни, от их жесткой детерминации. Идеал всесторонне развитой, свободной индивидуальности, провозглашенный Возрождением, получает реальное предметное (дисциплинарное) рассмотрение лишь в XIX в., когда на фоне иллюзорного благополучия и социальных коллизий обостряется растущее чувство экзистенциального одиночества и социальной обреченности. Абсолютные истины, выдаваемые «непогрешимым» разумом, не подтверждались жизнью, как и всеобщие рационализированные благо, справедливость, равноправие, свобода. Декларируемые «объективные» ценности, определяемые внешним миром, оказались призрачными. Самой социально–исторической ситуацией XIX века предоставляется теперь возможность и необходимость феноменологического анализа и выявления экзистенциальной сути бытия конкретного индивида. Как отмечает сам Бахтин, в XIX – XX вв. наблюдается «улегчение» термина «бытие» [См.: 2, с. 87]: от рационализированного «тяжеловесного» объективного бытия философия постепенно приходит к субъективному бытию, «легко» доступному для понимания человеком.

Начиная с XIX в. становится очевидным, что *абстрактный рационализм*, характерный для прежней философии, все больше (в условиях растущей социальной активности) не согласуется с сокровенными сторонами человеческой жизни, вытесняя дух подлинного гуманизма относительно личности. («Бог умер» (Ницше), или, как сказал бы Г. Х. Андерсен, место молитвы «Отче наш» заняла таблица умножения). Бытийственные основы человеческой жизни подвергаются нигилистическому пересмотру («переоценке всех ценностей»), и в центре философской рефлексии размещается автономная целостная индивидуальность, противостоящая любым формам принудительной общности. Согласно такому (нетрадиционному) подходу автономная социальная личность должна сама, *внутренне*, определять содержание и смысл собственного бытия, диспозируя себя внешней детерминации, действовать не в жестком соответствии с предметным миром, а в противостоянии ему как *духовно свободная* личность. Духовность человека определяется не исключительно предметным воздействием на его сознание, а прежде всего ценностной установкой индивида на мир собственного бытия как со–бытия (нераздельного с самим субъектом, внутренне индивидуализированного

бытия). Интенционально–личностная установка обязательно предполагает *внутреннее должение* и *ответственность* за социально значимые поступки. Начиная с Канта, этот деонтологический аспект, так или иначе, подчеркивается всеми философскими течениями антропологической направленности, включая философию диалогизма.

В работе «К философии поступка» М. Бахтин указывает на «принципиальный раскол» между областью культуры и областью жизни, отмечая «неслияемость и невзаимопроницаемость» этих двух миров. В области культуры господствовал абстрактный рационализм, апеллировавший к *всеобщей объективной истине*, которая провозглашалась человеку без учета особенностей его непосредственно переживаемой жизни. В конечном итоге область культуры становилась миром *монологического* диктата неких объективных (внеличностных) ценностей, в котором конкретный человек с его субъективно–личностными установками в расчет не принимался. В самой же жизни человек, оставаясь один на один со стихией объективного мира, мог уповать только на самого себя, пытаясь в самом себе обнаружить объективную опору для ценностно–смысловой ориентации.

Виной принципиального раскола между миром культуры и миром жизни является, по мнению Бахтина, «бесплодный теоретизм» гуманитарных наук (теория познания, логика, психология, «философская онтология» (прагматизм), философия жизни и т.п.). Таков их характер породил противостояние объективного и субъективного: *объективная абстрактно–всеобщая истина и субъективная индивидуально–неповторимая жизнь были «неслияемыми»*.

Бахтин акцентирует внимание на том, что «живая жизнь» не поддается редукции к теоретическим конструктам «абстрактного гносеологизма»: она строится на конкретных («событийных») переживаниях, на интенциональном анализе жизненного опыта отдельных индивидов, на самоосуществлении личности в ответственном «поступлении». То есть абстрактно–теоретическому субъекту вообще Бахтин противопоставляет конкретного субъекта реальной жизни, который обладает индивидуально–неповторимым опытом и личностным (а не априорно заданным) должением, обусловленным его «не–алиби в бытии». Чтобы разобраться с ситуацией истины и правды среди людей, замечает Бахтин, даже самому Богу надо было спуститься на землю и «воплотиться, чтобы миловать, страдать и прощать, как бы сойти с отвлеченной точки зрения справедливости» [3, с. 113].

Необходимо человеческую истину искать не в объективном мире вообще, а в самом человеке; объективный критерий ценностных ориентаций следует находить *не вне человека, а в субъективном процессе* его реальной жизни, в его поступках. Каждый человек должен добиваться такого объективного содержания в своей субъективно–

индивидуальной жизни, которое становилось бы интересубъективным фактором развития социума, эпохи, истории. Это достигается позицией нравственной ответственности личности в выборе ею ценностных ориентаций. Выявить *объективность и общезначимость ценностно–смысловой установки* возможно лишь в постоянном сопоставлении ее с ценностными позициями других индивидов, то есть в диалогической структуре бытия.

Источником всей духовной деятельности (жизни) человека феноменолог Бахтин считает сферу чувств и переживаний, в которой целью и практическим средством постижения мира является не глубинная сущность вещей, а то, как вещи предметного мира задаются нам в процессе диалогического общения и сопереживания, какой непосредственный смысл приобретают они в этом интроективном процессе для конкретного (здесь и теперь) индивида. «Переживания – это след смысла в бытии» [1, с. 101]. Конституированные в «событийном» ценностно–смысловом контексте чувства, переживания и мысли составляют *подлинное, неповторимое бытие* индивида, вне которого человек, как таковой, не проявляет себя, не становится активно действующим индивидом. Таким образом, *«объективной» основой постижения истинности бытия становятся чувства, переживания и понимание субъектов диалога*.

Познание же сущности вещей, на чем основывается традиционная «объективная» философия, игнорирует конкретно–событийный процесс жизни человека, и в ее абстрактной структуре знаний о мире нет места «живому» человеку – он низводится до простой «мертвой» вещи предметного мира, лишенной эмоционально–волевых установок и жизненно–актуальных ориентаций. В мире теоретических построений, по словам Бахтина, нет меня, а значит, этот мир чуждый и безразличный мне, пока не будет включен в мою единственную действительную жизнь событийности, где и приобретает конкретно–индивидуальный, бытийственный для меня смысл. «Теоретический мир получен в принципиальном отвлечении от факта моего единственного бытия и нравственного смысла этого факта». «Поэтому никакая практическая ориентация моей жизни в теоретическом мире невозможна, в нем нельзя жить, ответственно поступать, в нем я не нужен, в нем меня принципиально нет» [2, с. 88]. Теоретические суждения – *внебытийные и внеисторические*, лишены *экзистенциального содержания*. Как таковые, суждения теоретической объективистской гносеологии есть сомнение, а на практике, по сути, – *ложь*. Они не отражают уникальности, индивидуальной неповторимости бытия человека, а потому *не могут быть истинным* руководством к его действию в мире его сопричастных, ситуативно–событийных переживаний.

Теоретическому познанию Бахтин противопоставляет «участное мышление».

Истинными суждениями могут быть лишь те суждения, которые рождаются в событийности реальной жизни и отражают актуальные (со) переживания диалогического отношения Я – Другой. Только в феноменологическом процессе непосредственных переживаний «акты нашей деятельности» становятся реальным «моментом живого и живущего сознания» [2, с. 82]. Познание, абстрагируясь от переживаний, игнорирует единственность познающего субъекта (уникальность Я), тем самым, обезличивая, обедняет конкретный мир бытия – как мир переживаний, *жизненно подлинный* мир, в котором индивиду *предстоит отыскать истину для себя – не абстрактно-теоретическую всеобщую, а конкретную индивидуально-личностную истину в ее экзистенциальном содержании.*

Бахтин замечает, что в теоретическом познании есть своя значимость и ценность, но *значимые в теории истины должны еще стать правдой жизни.* Теоретическая истина обладает автономной значимостью и принадлежит объективному миру культуры. Эта значимость действительна и незыблема, будучи независимой от эмпирической реальности. Она абстрактна и абсолютна, не имеющая, как таковая, смысла до соприкосновения с жизнью. Так, например, законы Ньютона обладали своей автономной значимостью и до их открытия. Но действительную значимость *для человека* они приобретают с момента их открытия и приобщения к практическим ценностям людей. Иными словами, практическая значимость теоретических конструкций выявляется в ценностных установках человека. Согласно Бахтину, *истина находит свою конкретную реализацию в правде событийного бытия,* где она высвечивается соответственно единственному месту индивида в бытии, и *в своей объективной значимости может служить ценностным ориентиром ответственного поступка.* «Правда события не есть тождественно себе равная содержательная истина, а правая единственная позиция каждого участника, правда его конкретного действительного долженствования» [там же, с. 116]. То есть, в конкретном пространственно-временном мире человека *значимость истины коррелируется неповторимой долженствующей позицией индивида и,* наполняясь жизненным смыслом, *становится правдой жизни.*

Абсолютная значимость теоретической истины безжизненна. Абсолютная истина должна быть приобщена «единственному бытию-событию», благодаря чему она приобретает свою конкретность и относительность в «индивидуально-произвольном поступке» человека. Следовательно, *только относительная истина в ее субъективной значимости может быть жизненно-практичной.* Абсолютная (объективная) истина там, где меня нет. *Относительная («субъективная», субъектная) истина – в моем бытии, во мне.* Это отнюдь не означает голого негативистского субъективизма, поскольку ценность абсолютной истины все же положительно учитывается в субъектных актах деятельности. Бахтин уходит

от такого субъективизма, вводя в диалогическое общение момент объективации переживаний.

В «Эстетике словесного творчества» он отмечает, что предметом видения (созерцания) «автора» (субъекта-творца) является «живая жизнь». Первоначальным (но не единственным) «существенным моментом эстетического созерцания является вживание в индивидуальный предмет видения, видения его изнутри в его собственном существе». «За этим моментом вживания всегда следует момент объективации, положение понятой вживанием индивидуальности вне себя, отделение ее от себя» [3, с. 92], но *в себе.* Объективация означает видение предмета глазами другого, предполагающее интерес субъективности образа. Благодаря вживанию предмет становится *индивидуально понятым,* предметом для меня. Индивидуально понятый моим вживанием предмет должен быть представлен глазами другого и пережит мною как другим, то есть он таким образом *объективируется* в моем сознании и трансформируется в интерес субъективности образ для других. Объективация, по сути, – это способ получения *правдивой истины* в ценностно-смысловых отношениях субъектов диалога.

Для феноменолога Бахтина первостепенно важно не то, как субъективное перевести в область объективного и определить его нейтральную (для всех и ни для кого в отдельности) истинность, как это свойственно абстрактно-теоретической гносеологии, а наоборот, как *объективное трансформировать в индивидуально-значимое содержание моих субъективных действий,* сделать его значимым именно *для меня* и именно для данного исторического момента, в котором рождается долженствование и ответственность моего поступка в «контексте моей единственной жизни». Задача феноменолога – перевести *абстрактную* ценность истины в *жизненно-практическую* ценность.

Таким образом, объективное и субъективное – в неразрывном единстве, но субъективное поглощает объективное. То есть, *объективное рассматривается лишь в субъективной (внутренне-духовной) сфере человека,* оно в самом субъекте, а не вне его (в вещной, чисто естественной природе). Внутри поступающего индивида объективное и субъективное объединяются; именно индивидуальный поступок в своей ответственности «задает свою правду как объединяющую оба эти момента, равно как и момент общего (общезначимого) и индивидуального (действительного)» [3, с. 92].

Истина – нейтральная, безучастная. Она там, где абстрагирующий и абсолютизирующий разум. Правда, причастная «живой жизни», непосредственно сопряжена с *душой* человека, в которой диалогическое бытие оставляет свой след в виде ценностного, «соучастного» *отношения индивида* к этому бытию. Вне диалога души нет. Согласно Бахтину, моя сама по себе субъективность («абсолютное я»), мой дух – это еще не душа, а лишь «саморефлекс», «дурная и разрозненная

субъективность» [1, с. 90]. Душа – это продукт диалогического общения, оформленный извне, в сознании другого, глазами другого. То есть, душа человека, ее ценностная определенность, «объективно» формируется в переживаниях и оценках другого, в объективизации через другого. Таковая она синонимична личностным качествам человека как его характерологическое целое. Душа – внутренняя жизнь человека, но именно такая, какой видится она со стороны. «Душа – это дар моего духа другому» [там же, с. 116]. В ней обнаруживаются *этические свойства* человека, *выявляющие правду индивидуализированного бытия* в его ценностно–смысловом и личностно–нравственном потенциале. Иными словами, душа – это этическое лицо ответственного индивида, правда – мера его ответственности и поступка.

Человек, по Бахтину, не вещь объективной («нейтральной») реальности, а *субъект*, формирующий себя каждым своим действием и поступком. Он не может оправдывать свои действия «обстоятельствами», ибо апеллируя к ним, он волей–неволей отказывается от ответственности, без которой его действия не могут быть подлинно человеческими действиями. Я отвечаю за все, исходящее от меня, и это «все» – во мне, составляет мое бытие, мою жизнь, меня самого и *правду* моего со–бытийного (Я – Другой) поступления. Человек правды «обречен» на ответственное деяние.

Выводы. Теоретическая истина – это абстрактно–рациональное знание, *нейтральное* по отношению к «участному» субъекту. Экзистенциальная истина (правда жизни) – субъективированное, при(у)частное, *подкрепленное правдой реальной жизни*, о–правданное знание.

Истинными суждениями могут быть лишь те суждения, которые рождаются в событийности реальной жизни и отражают актуальные (со) переживания диалогического отношения Я – Другой. Настоящая истинность бытия раскрывается не в теории, не в оторванном от непосредственного бытия чистом, замкнутом в себе сознании, а *в процессе живого («участного») переживания индивидом своего «события–бытия»*, где абстрактная истинность «покаянно» осмысливается в оценках межличностного долженствования и ответственного поступления в «живой жизни» конкретных людей.

Истина отражает то, *что есть*; правда – то, *что должно быть*. Истина – онтологическая ценность, как, собственно, и правда («истинная правда» или «правдивая истина»). Задача в установлении истинности – познать, узнать действительность такой, какой она есть. Однако правда, в отличие от истины, – это ценность, прежде всего, *этическая*, сопровождающаяся такими коннотациями, как честность, откровенность, справедливость, правосудие, законность, правота. У диалогиста Бахтина правда достигается не в отношении к объективной реальности, а *в межсубъективных*

отношениях (Я – Ты, Я – Другой), в споре, в противостоянии, в выявлении смысловой позиции участников диалога. Поэтому правда – это не только знание того, что есть, но и этическая оценка говорящего, *оценка его отношения к истинности*, в котором реальное положение вещей признается справедливым, нравственным, законным, либо преднамеренно может быть сокрыто или высказано превратно. Ведь визави в диалоге может быть другом, а может оказаться «негнотропом» (И. Левинас). Скрывая истину или умышленно искажая ее, человек говорит неправду.

Правда как объективированный интер–субъективный результат взаимопереживания и взаимопонимания субъектов диалога конституирует максимум, «законность» их свободного выбора и нравственного деяния в форме ответственного поступка. В социальное–историческое поле долженствования правда, являясь непреложной экзистенциальной истиной, обретает статус *категорического императива* – «поступать так и не иначе» (я должен сделать должное).

Действительное познание жизни происходит прежде всего как ее *нравственное освоение*, в процессе которого *преодолевается дуализм истинного познания и правды жизни* как сферы долженствования и ответственности. Бахтин отмечает, что рациональное абстрагирование и отрыв познания от «живой жизни» и ответственного поступления грозит использованием знаний далеко не во благо человека, как это наглядно имеет место, например, в мире техники, когда превратное (внеличностное = внечеловеческое) осмысление использования технических средств превращает их из средств защиты и благонаполнения социума в «безответственно страшную и разрушающую силу». Излишне говорить об актуальности такого подхода в осознании той ситуации, которая угрожает современной цивилизации.

Список использованных источников

1. Бахтин, ММ., 1986. 'Автор и герой в эстетической деятельности', *Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985 гг.*, М., с.138–157 (фрагмент первой главы).
2. Бахтин, ММ., 1986. 'К философии поступка', *Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985 гг.*, М., с.82–138.
3. Бахтин, ММ., 1986. 'Эстетика словесного творчества', М.: *Искусство*, 416 с.
4. Духович, ОБ., 2015. 'Розуміння істини та правди в діалогічній філософії М. М. Бахтіна', *Гілея: науковий вісник*, Вип.94, с.151–154. [online] Доступно: http://nbuv.gov.ua/UJRN/gileya_2015_94_39
5. Лахтенмяки, М., 2004. 'Истина и правда в философской концепции М. М. Бахтина', *Бахтинский сборник*, Вып.5, М.: *Языки славянской культуры*, с.411–418.
6. Лишаев, СА. '«ПРАВДА» И «ИСТИНА» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии)'. [online] Доступно: www.phil63.ru/files/2v/Лишаев.doc
7. Улод, АА., Юрій, М., 2011. 'Концепты «істина», «правда», «сутне», «належне» в культурі', *Науковий вісник Чернівецького університету ім. Ю. Федьковича*, Чернівці, Вип.539–540, с.124–134.
8. Черников, М.В. 'Концепты правда и истина в русской культуре: проблема корреляции'. [online] Доступно: <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/1999/5/5.htm>

References

1. Bahtin, MM., 1986. 'Avtor i geroj v jesteticheskoy dejatel'nosti (Author and hero in aesthetic activity)', *Filosofija i sociologija nauki i tehniki. Ezhegodnik. 1984–1985 gg.*, M., s.138–157 (fragment pervoj glavy).
2. Bahtin, MM., 1986. 'K filosofii postupka (To the philosophy of the act)', *Filosofija i sociologija nauki i tehniki. Ezhegodnik. 1984–1985 gg.*, M.,s.82–138.
3. Bahtin, MM., 1986. 'Jestetika slovesnogo tvorcestva (Aesthetics of verbal creativity)', M.: *Iskusstvo*, 416 s.
4. Duhovych, OB., 2015. 'Rozuminnja istyny ta pravdy v dialogichnij filosofii' M. M. Bahtina (Understanding of truth and truth in dialogical philosophy of M. M. Bakhtin)', *Gileja: naukovyj visnyk*, Vyp.94, s.151–154. [online] Dostupno: http://nbuv.gov.ua/UJRN/gileya_2015_94_39
5. Lahtenmjaki, M., 2004. 'Istina i pravda v filosofskoj koncepcii M. M. Bahtina (Truth and truth in the philosophical concept of M. M. Bakhtin)', *Bahtinskij sbornik*, Vyp.5, M.: *Jazyki slavjanskoj kul'tury*, s.411–418.
6. Lishaev, SA. '«PRAVDA» I «ISTINA (jazykovaja konceptualizacija mira i tematiceskoe svoeobrazie russkoj filosofii) («TRUTH» and «TRUTH» (linguistic conceptualization of the world and thematic peculiarity of Russian philosophy))'. [online] Dostupno: www.phil63.ru/files/2vLishaev.doc
7. Udod, AA., Jurij, M., 2011. 'Koncepty «istyna», «pravda», «sutnje», «nalezhne» v kul'turi (Concepts «truth», «truth», «essence», «due» in culture)', *Naukovyj visnyk Chernivec'kogo universytetu im. Ju. Fed'kovycha*, Chernivci, Vyp.539–540, s.124–134.
8. Chernikov, M.V. 'Koncepty pravda i istina v russkoj kul'ture: problema korreljicii (Concepts truth and truth in Russian culture: the problem of correlation)'. [online] Dostupno: <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/1999/5/5.htm>

* * *